

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Цивилизационные исследования в социологии

<i>Р.Г. Браславский.</i> Автономия человеческого разума: первый проект цивилизационных исследований	7
<i>Ю.А. Прозорова.</i> Интегративная перспектива в цивилизационном анализе	31
<i>J. Subrt.</i> The Civilization Theory of Norbert Elias Today	57

Образование и инновационное развитие

<i>Б.И. Максимов.</i> Инновационно активные организации	69
<i>Л.В. Земнухова.</i> «Айтишники чаще любят свою работу»: к обсуждению результатов исследования	88
<i>А.Г. Щелкин.</i> Об одном существенном недостатке образовательных стандартов высшей школы в сфере социальных наук	116

Социальный контроль

<i>А.А. Яковлева.</i> Общественные инициативы в сфере контроля девиантности как современный социальный институт	127
<i>И.Н. Гурвич.</i> Перспективы изучения социального контроля подростковой девиантности с позиций конструктивистского подхода	147

Личность и семья

<i>К.С. Дивисенко.</i> Ценности и установки в структуре жизненного мира	159
<i>Н.Н. Цветаева.</i> Семья и гендерные отношения в биографических нарративах женщин	175
<i>Т.З. Протасенко.</i> Мир пожилого человека в социальных показателях	187

Проблемы методологии

<i>Л.В. Панова.</i> Модель социальных детерминант как основа многоуровневой методологии изучения здоровья	221
<i>Г.В. Каныгин.</i> Анализ качественных данных как научный метод	253
<i>В.С. Корецкая.</i> Контекстно-ориентированная концептуализация понятий	267
Summaries	281
Сведения об авторах	285

CONTENTS

Introduction	5
--------------------	---

Civilizational Research in Sociology

<i>R.G. Braslavsky.</i> Autonomy of Human Reason: First Project on Civilization Studies	7
<i>Y.A. Prozorova.</i> Integrative Perspective in Civilization Analysis	31
<i>J. Subrt.</i> The Civilization Theory of Norbert Elias Today	57

Education and Innovation Development

<i>B.I. Maximov.</i> Innovation Active Enterprises	69
<i>L.V. Zemnukhova.</i> “IT-Workers Enjoy Their Job More Often”: Towards Discussion of the Research Results	88
<i>A.G. Schelkin.</i> About Significant Fault of Education Standards of Higher School in the Field of Social Studies	116

Social Control

<i>A.A. Yakovleva.</i> Community Initiatives in the Control of Deviance as a Contemporary Social Institution	127
<i>I.N. Gurvich.</i> Perspectives of Investigation of Social Control of Adolescence Deviance from the Social Constructivism Point of View	147

Personality and Family

<i>K.S. Divisenko.</i> Values and Attitudes in Life-world Structure	159
<i>N.N. Tsvetaeva.</i> Family and Gender Relations in Women’s Biographical Narratives	176
<i>T.Z. Protasenko.</i> The Reality of Aging in the Social Indicators	187

Problems of Methodology

<i>L.V. Panova.</i> Model of Social Determinants as the Basis for Multilevel Methodology in Health Studies	221
<i>G.V. Kanygin.</i> Qualitative Data Analysis as Scientific Method	253
<i>V.S. Koretskaya.</i> Context-oriented Conceptualization of Terms	267
Summaries	281
Authors of the Issue	285

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нам посчастливилось жить в эпоху перемен, когда востребованность социологии многократно возросла. Социология перестала восприниматься только как «собственность» профессионального и академического сообщества. Как говорит известный французский социолог М. Вервёрка, речь идет о «реституции социологии», то есть возвращении социологического знания его истинному владельцу — обществу.

В прошедшее 20-летие российским социологам нужно было, с одной стороны, не упустить «уходящую натуру» — тот стиль жизни, социальные типы и межличностные отношения, которые принадлежали прошлому, а с другой, — уловить новые черты трансформирующихся социальных институтов и практик. В переплетении драматических событий социологи оказались готовыми выполнить заказ общества на самопонимание. Взор социологов был обращен, прежде всего, на широкий спектр социальных проблем, именуемых в народе «чернухой»: на изучение проституции, наркомании, алкоголизации, табакокурения, преступности, межэтнических конфликтов. Популярность приобрели исследования бедности и социального неравенства, преимущественно на основе депривационного подхода. Социологи смогли показать неприглядную изнанку жизни, которая прежде тщательно скрывалась. Но другие темы, не менее важные с точки зрения перспектив развития российского общества, оказались в тени: это семья и ценности семейной жизни, представления молодежи о жизни и ее планы на будущее, межличностные отношения на работе и дома, образование и его значимость, здоровье и т. д. Перечень можно продолжить. Изменилось общество, изменяется человек, и в гораздо большей степени — среда его обитания. Нельзя не видеть, насколько изменилась повседневность под воздействием новых информационных технологий: развития и повсеместного распространения средств мобильной связи и массовой коммуникации. И все это — в пределах одной человеческой жизни. В результате технологических инноваций возникают социальные сети и арены

социального взаимодействия. Технические средства расширяют возможности общественной самоорганизации, включая коллективные политические действия. Социологам предстоит ответить на вызовы времени.

Современная российская социология родилась в начале XX в. в Петербурге—Петрограде в трудах П. Сорокина, М. Ковалевского, Н. Тимашева и возродилась в Ленинграде в 1960-е гг. силами В. Ядова, И. Кона, Б. Фирсова, О. Шкаратана, В. Водзинской и др. Сегодня петербургская социология уступает первенство москвичам прежде всего в проведении масштабных эмпирических исследований: общероссийские выборки-лонгитуды принадлежат московским социологам; даже сравнительное исследование населения Шанхая и Санкт-Петербурга выполнено москвичами¹. Несмотря на достижения и признание отдельных исследователей и исследовательских коллективов, петербургская социология в целом никак не выйдет из полосы стагнации. Но институциональная среда для поддержания и возникновения точек роста есть. Это, прежде всего, факультет социологии СПбГУ, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Центр независимых социальных исследований, Санкт-Петербургский филиал Высшей школы экономики и, конечно же, родившийся в перестроечное время Социологический институт РАН. Каждая из этих организаций привносит что-то особенное в понимание и исследование новых реалий российского общества. Академическая социология в Петербурге имеет свои традиционные и вновь осваиваемые ниши: это исследования в области истории российской социологии и цивилизационного подхода, социологии власти и социального контроля, инновации и образования, сексуальных отношений и гендерных траекторий, семьи и межпоколенных связей, здоровья и морали. По-прежнему важное место занимает разработка методологических аспектов получения социологического знания.

Особенность академической науки — в ее претензии на фундаментальность, т. е. на получение нового знания, выявление в текущей жизни неких паттернов, на основе которых формируются социальные тренды. Осуществление этой миссии предполагает наличие многих условий.

Одним из свидетельств деятельности академической социологии в Петербурге может служить настоящий сборник — четвертый выпуск научных трудов Социологического института РАН, выходящих под названием «Петербургская социология сегодня».

¹ Россияне и китайцы в эпоху перемен. Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / Под общ. ред. Е. Н. Даниловой, В. А. Ядова, Пан Давэя. Москва: Логос, 2012. — 452 с.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Р.Г. БРАСЛАВСКИЙ

АВТОНОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА: ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

В статье рассматривается формирование во второй половине XVIII в. просветительского проекта всеобщей истории цивилизации в контексте перехода от дискурса моральной и политической философии к дискурсу социальных и исторических наук. Главная теоретическая новация, связанная с появлением понятия «цивилизация», состояла в открытии культурно-исторического измерения в человеческом способе существования.

Ключевые слова: цивилизация, эпоха Просвещения, автономия человеческого разума, культура, цивилизационный анализ, социология, модерність.

Цивилизационные исследования обычно считаются уделом историков и антропологов, с которым социологи, сосредоточенные на изучении современных индустриальных и постиндустриальных обществ, мало соприкасаются. Более того, среди представителей академического социологического сообщества распространено представление о цивилизационном анализе как чуждой по своим концептуальным основаниям области исследований. Социальные науки до сих пор испытывают трудности с включением понятия «цивилизация» в собственный концептуальный аппарат и использованием его в качестве аналитической категории. Однако обращение к истории социальных наук ставит под сомнение весьма распространенное представление

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00840а.

о нерелевантности понятия «цивилизация» социологическому анализу. Понятию «цивилизация» принадлежала важнейшая роль в тех эпистемических и концептуально-дискурсивных трансформациях, в ходе которых возникли социальные науки и, в частности, социология. С понятием «цивилизация» непосредственно связаны области исследований и способы теоретизирования, в соотношении и во взаимодействии с которыми происходило самоопределение социологии, конституирование и трансформация ее собственных исследовательских «программ» и «парадигм». Социологи не только обращались к понятию «цивилизация» в поисках решения теоретических проблем собственной дисциплины, но также способствовали развитию самого цивилизационного анализа, причем во многих отношениях вклад этот носил решающий характер. В середине 1970-х гг. на волне критики структурного функционализма произошел «цивилизационный поворот» в социологии, который сопровождался конструированием особой «социологической традиции» в полидисциплинарной области цивилизационных исследований и открытием «цивилизационной» аналитической перспективы в социологии².

Истоки до сих пор существующего напряжения между социологией и цивилизационным анализом обнаруживаются в истории возникновения и возвышения фундаментальных категорий, вокруг которых конституируется каждая из этих двух областей социально-исторической науки. Образование понятий «цивилизация» и «общество» было частью концептуальной и эпистемической революции, сопровождавшей глубокие трансформации политического и экономического порядка западноевропейских обществ во второй половине XVIII – первой половине XIX в., которые получили название «демократической» и «индустриальной» революций. Важнейшая интеллектуальная трансформация этого периода состояла в переходе от дискурса моральной и политической философии к дискурсу социальных и исторических наук³. Возникновение понятий «цивилизация» и «общество» относится к числу тех концептуальных новаций, которые определили новую проблематику, задали новые линии последовательностей и новые границы разрывов в интеллектуальной истории модерности. Каждое

² *Arnason J.P.* Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Leiden and Boston: Brill, 2003. — 380 p.; *Eisenstadt S.N.* The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Thesis Eleven. 2000 (August). Vol. 62. P. 1–21.

³ *Wittrock B.* Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations // Thesis Eleven. 2001 (May). Vol. 65. P. 27–28.

из этих понятий по-своему отразило опыт и ожидания «переломного времени» (*Sattelzeit*) — так Р. Козеллек назвал период постепенного исчезновения сословного общества между 1750 и 1850 гг. «Это время Козеллек рассматривал как границу современного мира, время коренного изменения социально-политических понятий, отсылающих к концепту “Новое время” (*Moderne*)»⁴. До сих пор существующая проблема признания научного статуса понятия «цивилизация» является последствием сопровождавших рождение и подъем социальных наук и сохраняющихся до сих пор разрывов «социального» с «политическим» и «культурным».

Возникновение понятия «цивилизация» в дискурсе Просвещения

Главная новация, связанная с формированием понятия «цивилизация», состояла в открытии культурно-исторического измерения в человеческом способе существования. В дискурсе позднего Просвещения (вторая половина XVIII в.) слово «цивилизация» (фр. *civilisation*; англ. *civilization*) стало использоваться для обозначения нового понятия, которое подразумевало «торжество и расцвет разума не только в сфере законности, политики и управления, но и в области моральной, религиозной и интеллектуальной»⁵. Понятие цивилизации трансформировало весьма жесткую иерархическую шкалу, применявшуюся французскими авторами еще в XVII в. для классификации народов. Л. Февр описывает эту шкалу следующим образом: «На самой низшей ступени — “дикари”. Несколько выше — притом что точно определенных отличий не было, — “варвары”. После чего, поднявшись еще на ступень, мы находили народы, обладавшие “*civilité*”, “*politesse*” и, наконец, мудрой “*police*”»⁶.

Понятие «цивилизованность» (*civilité*) заключало в себе представление об «учтивости», «вежливости», «обходительности», т. е. характеризовало определенные манеры поведения во взаимоотношениях с другими людьми. Ей отводилась низшая позиция в иерархии качеств народов, стоящих на ступени более высокой, чем «дикость» и «варварство».

⁴ Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Под ред. Х.Э. Бёдекера. Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 38.

⁵ Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей (1930) // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 253.

⁶ Там же. С. 249.

Следующая по рангу «любезность» (*politesse*) добавляла к «внешним» проявлениям учтивости (*civilité*) «внутреннее» расположение, более внимательное и сердечное отношение к другим людям. Понятия *civilité* и *politesse* воплощали идентичность придворной аристократии и утверждали ее превосходство над другими социальными слоями. Так, в вышедшем в 1690 г. «Полном трехтомном словаре» Фюретьера в качестве примера употребления глагола «цивилизовать» (*civilizer*), означавшего «делать благовоспитанным и вежливым, общительным и любезным», приводится выражение: «Крестьяне не столь цивилизованы, как буржуа, а буржуа — не в такой мере, как придворные»⁷. Наконец, бесспорно наделявшееся наибольшим престижем «полус» (*police*) отсылало к сфере права, администрации, хорошего (*sage*) правления, соблюдению законов и правил поведения «ради существования и поддержания государства и человеческих обществ вообще», как писалось в одном из французских словарей конца XVII в.⁸

В середине XVIII в. со словом *police* начинают происходить важные семантические изменения, в которых нашли выражение процессы усиления бюрократических и интеллектуальных слоев среднего класса, лишавших придворную аристократию политической монополии. Л. Февр фиксирует две противоположно направленные тенденции в реинтерпретации значения слова *police*. С одной стороны, «люди, занятые управлением, а также пуристы и лингвисты-профессионалы» стремятся придать этому слову более узкое, специально-юридическое значение регламентации и охраны общественного порядка, преимущественно в городах. С другой стороны, в произведениях целого ряда писателей-философов — Ш.П. Дюкло, Вольтера (Ф.-М. Аруэ), Ж.-Ж. Руссо, А.-Р. Тюрго — отчетливо прослеживается тенденция добавлять к традиционному политическому смыслу слова *police* новое значение — «моральное и интеллектуальное»⁹. В результате в отношении самого слова *police* возобладала тенденция к ограничению его значения полицейскими функциями. Одновременно с этим попытки расширительного толкования *police* привели, в конечном счете, к его замещению новым словом «цивилизация».

Первое печатное употребление слова «цивилизация» встречается у маркиза де Мирабо-старшего (Виктора де Рикети, 1715–1789)

⁷ Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей. С. 249.

⁸ Там же. С. 249–251.

⁹ Там же. С. 251–253.

в произведении «Друг человечества, или Трактат о народонаселении» (1756—1757). Однако понятие, для обозначения которого стало использоваться слово «цивилизация», ко времени выхода в свет трактата В. Мирабо уже существовало. Так, отчетливый набросок просветительской концепции цивилизации содержался в знаменитой речи А. Тюрго (1727—1781) «Последовательные успехи человеческого разума», произнесенной в университете Сорбонны в 1750 г. Так что, употребляя в своем тексте слово «цивилизация», Мирабо не столько создавал новое, сколько фиксировал уже существовавшее, пусть и с недавних пор, понятие.

При этом новое понятие цивилизации не отвергло полностью прежние значения слов *civilité*, *politesse* и *police*, но вобрало их в себя в качестве подчиненных по отношению к своему главному «морально-интеллектуальному» содержанию. Л. Февр охарактеризовал понятие цивилизации как «в конечном счете, понятие синтетическое»¹⁰. Ж. Старобинский также отмечает: «Слово “цивилизация” оттого столь быстро прижилось, что это [было] синтетическое обозначение для уже ранее бытовавшего понятия, формулировавшегося многообразными способами: “смягчение нравов”, “образование умов”, “развитие учтивости”, “изучение искусств и наук”, “подъем торговли и промышленности”, “обретение материальных удобств и роскоши”»¹¹.

В то же время семантическое пространство синтетического понятия цивилизации было весьма отчетливо структурировано и центрировано. Непосредственным доменом цивилизации выступала сфера «наук и искусств», т. е. сфера духовной культуры — интеллектуального и художественного производства. Самым тесным образом к ней примыкала сфера экономики — «торговли и промышленности». Начиная с В. Мирабо «цивилизация» и «богатство» образуют устойчивое конъюнктивное сочетание в дискурсе эпохи Просвещения. Так, Наполеон, обращаясь к войскам, отплывающим в Египетскую экспедицию, взывал: «Солдаты! Вам предстоит осуществить завоевания, чьи последствия для мировой цивилизации и торговли неисчислимы»¹².

В семантическом пространстве всеобъемлющего синтетического понятия цивилизации религия и политика составляли внутреннюю

¹⁰ Там же. С. 262.

¹¹ Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с франц. В 2-х т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. С. 113.

¹² Там же. С. 131.

зону отчуждения. Что касается религии, то просветителями, всерьез принимавшими ее (такими как В. Мирабо, А. Тюрго, А. Фергюсон), она воспринималась как откровение божественного разума (имелось в виду, конечно же, христианство); для тех же, кто отвергал религию, она была не более чем подлежащим искоренению заблуждением и предрассудком человеческого разума. Политика изначально отчуждалась от разумной человеческой природы, воспринималась как сфера проявления человеческих страстей, лишь со временем, по мере прогресса цивилизации, подпадающая под контроль разума¹³. Таким образом, внутри синтетического понятия цивилизации основная разграничительная линия проходила между культурой и экономикой, с одной стороны, и религией и политикой — с другой. Эта разделительная линия имела ярко выраженный социальный, сословно-классовый смысл. Наука и искусства, торговля и промышленность — это все были сферы деятельности буржуазии, тогда как религия и политика воспринимались как традиционные домены духовенства и аристократии.

Понятие цивилизации задавало новую рамку восприятия и оценивания индивидов, сословий и обществ. Им были привнесены новые ценностные критерии в иерархическую шкалу классификации народов: оно наделяло превосходством те из них, которые не просто обладали «мудрым правлением» (*sage police*), но имели также «богатую философскую, научную, художественную, литературную культуру»¹⁴. Одновременно новая ценностная шкала продолжала применяться и по отношению к различным социальным группам внутри отдельно взятых «цивилизованных» обществ, и в соответствии с ней наибольшим престижем наделялась уже не придворная аристократия, а «интеллигенция» — культурная элита, слой культурных деятелей: ученые, художники, писатели, изобретатели. В умах французской интеллектуальной элиты все более важное место занимают моральные качества — человечность, благодеяние, гражданственность — которые в языке революционной эпохи как раз и начинают ассоциироваться со словом «цивилизация»¹⁵.

Идея моральности (добродетели) была одной из ключевых в понятии цивилизации. Как пишет британский историк науки Роджер

¹³ Тюрго А. Последовательные успехи человеческого разума [1750] // Тюрго А. Избранные философские произведения / Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 54.

¹⁴ Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей. С. 252–253.

¹⁵ Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 127–128.

Смит, «авторы эпохи Просвещения были озабочены основаниями и истоками морали, добродетели и цивилизации»¹⁶. Мирабо-старший в своей неоконченной рукописи «Друг женщин, или Трактат о цивилизации» (вероятная дата — 1768 г.) подверг критике ложные, по его мнению, представления о цивилизации как внешней «цивизованности». Он писал: «цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели»¹⁷. В изданном в 1795 г. в Гёттингене Леонардом Снетлаге словаре французских неологизмов (*Nouveau Dictionnaire français contenant de nouvelles créations du peuple français*) слово «цивилизация» определялось как «действие цивилизования или же наклонность некоторого народа смягчать, а вернее исправлять свои нравы и обычаи, внося в гражданское общество ясную и деятельную нравственность, исполненную любви и добрых дел»¹⁸.

Понятие цивилизации задавало способ нравственного исправления общества через культурное творчество, «прогресс человеческого разума» (Ж. Кондорсе), развитие наук и искусств, хотя и роль религии в деле совершенствования общественной нравственности многими протагонистами «цивилизации», такими как В. Мирабо, А. Тюрго, А. Фергюсон, также не отвергалась. У В. Мирабо встречается характеристика религии как «главной движущей силы» цивилизации, более других способствующей общежительности людей, братскому объединению и смягчению нравов. Этим, кстати говоря, не преминули воспользоваться оппоненты просветителей — иезуиты, включившие в 1771 г. в издававшийся ими «Всеобщий словарь» Треву слово «цивилизация» в значении «общежительность» со ссылкой на явно комплиментарный для религии пример его употребления «другом человечества»¹⁹. Конфликт интерпретаций сопровождал понятие цивилизации практически с момента его возникновения, которое изначально формировалось как орудие социальной критики и политической легитимации в руках представителей среднего класса.

В понятии цивилизации, заключавшем в себе самопонимание особого слоя поднимающегося третьего сословия — интеллигенции,

¹⁶ Смит Р. История гуманитарных наук / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 146–147.

¹⁷ Цит. по: Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова (1954) // Бенвенист Э. Обшая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 389.

¹⁸ Цит. по: Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 111.

¹⁹ Там же. С. 113.

находили выражение две главные ценности буржуазной культуры: «добродетель» и «польза», которые особым образом соединились и преломлялись в идее культурного творчества. Добродетель и польза прямо отождествлялись друг с другом, находя выражение в концепции «общего блага». Как писал П.-А. Гольбах, «добродетель есть не что иное, как польза людей, соединенных в общество». Буржуа, как отмечал А. Гоулднер, «часто ощущал моральный долг быть полезным»²⁰. «Польза» при этом берется в непосредственном соотношении с идеей «производительной деятельности», «труда» в самом широком смысле (не столь важно, в какой сфере — материально-экономической или духовно-культурной). В буржуазном понимании «быть полезным» означало «что-то производить», причем это «что-то» должно было быть признанным или востребованным другими. Буржуазия сознавала себя как «производительный» класс, в отличие от аристократии и духовенства. «Средний класс воспринимал себя как полезный потому, что, с одной стороны, он ощущал себя в первую очередь производителем, а не потребителем подобно дворянству, и, с другой стороны, понимал, что то, что он производит, нужно другим»²¹. Для интеллигенции легитимацией служили «достижения в духовной, научной или художественной деятельности» в противоположность высшему слою придворной аристократии, «который в этом смысле “ничего не делает”, но видит свое отличие, осознает себя и оправдывает отличия, ссылаясь на особого рода поведение»²².

Понятие человеческого разума, составлявшее ядро просветительской концепции цивилизации, интегрировало мораль, пользу и знание. Но делало это таким образом, что центр внимания все более смещался в сторону познавательного аспекта при одновременном ограничении и редукции моральной сферы. Для буржуазного утилитаристского понимания морали был характерен акцент не на чистоте намерений индивидов, а на полезности их действий. Внимание к оценке последствий действий усиливало значение познавательных суждений и ставило в зависимость от них моральные суждения²³. В перспективе это вело к оппозиции «факта» и «ценности».

²⁰ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. С. 99.

²¹ Там же. С. 92.

²² Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / В 2-х т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. I. С. 64.

²³ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 94-95.

«Цивилизация» и «культура»: сходство и различие

Присущие буржуазной утилитаристской культуре и просветительской концепции разума внутренние напряжения между моральными, утилитарными и когнитивными аспектами имели тенденцию превращаться в явные противоречия, разрушающие осуществленный в понятии цивилизации синтез. В последующей культурной истории модерности «добродетель», «польза» и «творчество» имели тенденцию не только расходиться, но и вступать в оппозицию друг к другу. И эта дивергенция находила выражение в реинтерпретации понятия цивилизации, которое начинало в большей степени идентифицироваться с внешними, рациональными (рассудочными), материальными, утилитарными, организационными и функциональными аспектами общественной жизни в противопоставлении ее внутренним, духовным, экспрессивным, ценностным, моральным и эстетическим сторонам, ассоциируемым с понятием «культура» в узком смысле. При этом с оценочной точки зрения «цивилизация», как правило, проигрывала «культуре». Противопоставление культуры цивилизации разрывало то взаимопроникновение и единство когнитивных, утилитарных и моральных компонентов, которое предполагалось просветительской концепцией разума и цивилизации.

При том, что в Германии возникла традиция противопоставлять «культуру» (*Kultur*) «цивилизации» (*Zivilisation*), именно термин «культура» в значении форм и продуктов духовной деятельности людей, наиболее точно передает то новое содержание, которое привнесло с собой французское понятие «цивилизация». Так, Н. Элиас отмечал, что «понятие цивилизации, когда оно впервые встречается у французских писателей, во многом напоминает то понятие культуры, которое многими годами позже Кант стал противопоставлять “цивилизации”»²⁴, а точнее, если строго следовать букве и смыслу кантовского словупотребления, «цивилизованности» (*Zivilisierung*). В этом кантовском понятийном противопоставлении «культуры» и «цивилизованности» Н. Элиас видел выражение более давней и широкой полемики немецкой интеллигенции с придворной аристократией. Таким образом, французское понятие «цивилизация» и немецкое понятие «культура» первоначально выполняли очень схожие функции выражения социального отличия и превосходства интеллигенции и принципиально совпадали друг с другом в своей противопоставленности понятию

²⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 95.

«цивизованность» (*civilité*), в превознесении «внутренних» моральных и интеллектуальных качеств над «внешними» манерами и приличиями, принятыми в придворном «хорошем обществе». В то же время немецкое понятие культуры и французско-английское понятие цивилизации не были идентичны друг другу.

В Германии та оппозиция, которую французские, а также английские мыслители пытались удержать в рамках единого, синтетического понятия цивилизации, проводя различия между его взаимодополняющими составляющими, приняла форму конфликта конкурирующих и по-разному называемых понятий. Понятие цивилизации изначально подразумевало сильные социальные, политические и экономические коннотации. «Французское и английское понятие “цивилизация” может относиться к политическим или хозяйственным, религиозным или техническим, моральным или социальным фактам. Немецкое понятие “культура” употребляется главным образом по отношению к духовным, художественным, религиозным фактам. Более того, имеется сильно выраженная тенденция противопоставлять их политическим, экономическим и социальным фактам, проводить между этими двумя областями четкую разграничительную линию»²⁵. Однако позже, с середины XIX в., термин «культура» начинает использоваться также и во всеобъемлющем значении. Не случайно впоследствии термины «культура» и «цивилизация» часто использовались как взаимозаменяемые и в научной лексике конкурировали друг с другом как эквивалентные понятия с совпадающими денотатами.

В различиях трактовки понятий «цивилизация» во Франции и Англии и «культура» в Германии преломлялись особенности положения буржуазии в целом и интеллектуалов в частности в социальных структурах и властных конфигурациях каждой из этих западноевропейских стран. В отличие от французской и английской интеллигенции, немецкая интеллигенция представляла собой сравнительно тонкий, рассеянный по всей стране «слой, оттесненный от всякой политической деятельности, едва ли мысливший в политических категориях и лишь робко начинавший мыслить в категориях национальных»²⁶. Немецкая интеллигенция не была вхожа (за редкими исключениями) в придворное «хорошее общество», но она также была лишена и широкой

²⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 60.

²⁶ Там же. С. 64.

опоры в буржуазии, которая была еще слабо развита в большинстве германских государств XVIII в. По выражению Н. Элиаса, «пишущая немецкая интеллигенция как бы парит в воздухе»²⁷. Если во Франции противостояние среднего класса и дворянства переросло в открытый насильственный политический конфликт, то в Германии оппозиция этих двух сословий приняла вид полемической атаки интеллигенции на дворянство, которая велась почти исключительно за пределами политической сферы.

В Англии, пережившей революцию в середине XVII в., буржуазия и аристократия образовали устойчивую коалицию, и произошло это в немалой степени под влиянием французского революционного опыта. Английский средний класс, травмированный Французской революцией, вместо того чтобы бороться с аристократией за гегемонию, примирился с ней, чтобы образовать «составной» правящий класс²⁸. На примере «Размышлений о революции во Франции» (1790) Эдмунда Бёрка видно, как понятие цивилизации осваивается и присваивается консервативной мыслью. Бёрк выступает против Революции, но от имени и в защиту Цивилизации. Поддержание и развитие «искусств и торговли» (сфер деятельности буржуазии, непосредственно ассоциируемых с понятием цивилизации) ставится им в зависимость от сохранения государства, которое, в свою очередь, поддерживается совместным действием дворянства и религии. Аристократия и духовенство получают у Бёрка легитимацию в качестве двух «основополагающих начал», главных опор, столпов государства и цивилизации. Он предрекает гибель цивилизации («искусств и торговли») в результате французского революционного опыта и превращение нации в сборище «грубых, жестоких, тупых варваров, да еще и бедных и грязных»²⁹. Бёрк прибегает к дискурсу цивилизации в своей полемике с французскими революционерами, обвиняя их в «тирании», «самонадеянном невежестве» и «диком зверстве», т. е. приписывает своим оппонентам все атрибуты «варварства» в противоположность «свободе», «знанию» и «человечности» — т. е. как раз всему тому, с чем теснее всего связывалось понятие цивилизации. Однако Бёрк не просто приспособливает понятие «цивилизация» для оправдания институтов и сословий «старого режима» (еще до революции это,

²⁷ Там же. С. 81.

²⁸ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 159.

²⁹ Цит. по: Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 133.

как уже было отмечено выше, попытались сделать иезуиты). Консервативная реакция Бёрка свидетельствовала не только о страхе перед революцией, но и об изменении в самопонимании и дискурсе правящей аристократии, которая начинает несколько иначе воспринимать свою общественно-политическую роль и свои отношения с поднимающимся средним классом. Бёрк прибегает к характерной для утилитарной культуры буржуазии аргументации, доказывая «полезность» дворянства и духовенства для поддержания и развития «искусств и торговли», а тем самым и для самой буржуазии. В результате в Англии сложилась прочная коалиция между аристократией и буржуазией, которая в дальнейшем только укрепилась ввиду революционной угрозы со стороны рабочего класса.

Итак, возникнув, слово «цивилизация» само занимает верховное положение и начинает обозначать собой некую непреложную ценность и политико-моральную норму: «именем цивилизации начинают выносить приговор»³⁰. «Хорошее правление» ставится в зависимость от «разума», воплощающего морально-интеллектуальные ценности новой культурной элиты — интеллигенции. Государственная власть, причем не только действия правителей, но политический порядок в своих институциональных формах и легитимизирующих принципах, становится объектом критической рефлексии. Содержавшееся в понятии цивилизации представление о подчиненном положении «власти» по отношению к «разуму» выражало политические притязания интеллектуальных слоев среднего класса. Концептуальная революция, произведенная понятием «цивилизация», состояла в том, что оно переопределило культуру в качестве непосредственной сферы реализации человеческого разума. Отныне науки и искусства, а не политика и законодательство стали считаться главной сферой осуществления разумной человеческой природы. Этот сдвиг от политики к культуре в позднем Просвещении отчетливо заметен при сравнении работ «О духе законов» (1748) Ш.Л. Монтескье и «Рассуждения о всеобщей истории» (1750) А. Тюрго. Смыслы, кристаллизовавшиеся в понятии «цивилизация» в самый период его формирования, заключали в себе проблематику отношений культуры и власти, которая ныне признается ведущей темой цивилизационного анализа³¹.

³⁰ Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 128.

³¹ Arnason J.P. Civilizations in Dispute. P. 53, 59.

Первый проект цивилизационных исследований: всеобщая история цивилизации

Наряду и в тесной связи с культурным значением возникает историческое и процессуальное значение нового понятия «цивилизация». «Обозначая собой некоторый процесс, слово “цивилизация” возникает в истории идей одновременно с нынешним значением слова “прогресс”»³². Идея прогресса была связана не только с признанием науки и экономики в качестве ведущих сфер человеческой деятельности, но и с открытием нового и вместе с тем «подлинного» субъекта мировой истории — «человеческого рода». В работах французских и шотландских просветителей второй половины XVIII в., таких как А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе, А. Фергюсон, Дж. Миллар, развитие получила всеобщая история цивилизации, которая стала хронологически первой программой «цивилизационных исследований».

По сравнению с XVII в., когда в политической философии доминировали теории естественного права и общественного договора, XVIII в. оказался более открытым для сравнительных и исторических исследований. Основная тенденция в изучении истории в XVIII в. состояла в переходе (1) от сравнительной истории народов ко всеобщей истории человеческого рода; (2) от циклической истории империй к прогрессивистской истории цивилизации; (3) от политической истории к истории гражданского общества. Важно отметить, что в процессе и в результате этого перехода предыдущие концепции не отбрасывались, а интегрировались в новую систему представлений и преодолевались в ней.

В трудах первой половины XVIII в. становятся привычными сравнения западноевропейских народов с античной Грецией и древним Римом, с восточными империями: персидской, китайской, японской, оттоманской, индийской, — а также с американскими племенами. Возникает представление о качественных различиях между обычаями, нравами и образами правления европейских и неевропейских народов: в частности, распространение получает концепция восточного деспотизма. В описаниях истории империй превалирует теория круговорота — подъема, упадка и гибели империй, вытеснившая позднеантичную и средневековую концепцию *translatio imperii* — «перехода империи». Просветительская мысль вообще крайне враждебно относилась к империи, превознося республику. Книги Шарля Луи

³² Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 114.

Монтескьё (1689–1755) «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734) и «О духе законов» (1748) являются наиболее выдающимися примерами сравнительно-исторической и политической литературы того времени.

В трудах просветителей второй половины XVIII в. унитарная и линейная теория культурного и экономического прогресса человеческого рода интегрировала в себя в качестве подчиненного момента плюральную и циклическую теорию политического развития человеческих обществ. Как писал один из основоположников теории прогресса Анн Робер Жак Тюрго (1727–1781), «Империи расширяются, имеют период своего расцвета и упадка, но само их падение способствует усовершенствованию искусств и улучшает законы»³³. Или в другом месте: «Империи возникают и падают; законы, формы правления следуют друг за другом; искусства и науки изобретаются и совершенствуются. Попеременно то задерживаемые, то ускоряемые в своем поступательном движении, они переходят из одной страны в другую»³⁴. Таким образом, на смену идее «перехода империи» выдвигается концепция «переноса цивилизации», без которой оказывается невозможным обосновать идею прогресса.

Понятие человеческого рода не было абстракцией человека. Оно предполагало реальную совокупность взаимодействующих индивидов. В основе единства человеческого рода лежало представление о человеческом индивиде как действующем субъекте и творце культуры. Согласно А. Тюрго, духовный прогресс является «продуктом объединенных усилий гениальных людей различных стран», всего человечества³⁵. Предпосылка о реальном единстве человеческого рода и гомогенности человеческой природы позволяла рассматривать в качестве «вторичного», производного социетальный («средний», располагающийся между отдельными индивидами и человечеством как целым и представленный ограниченными социополитическими структурами) уровень мировой истории, на котором изменения носят циклический и флуктуационный характер. Различение двух уровней мировой истории ставило не только проблему соотношения культуры и политики, а также экономики и политики, но и проблему соотношения индивида и общества, действия и социальной структуры. И эту последнюю проблему теоретики

³³ Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории // Тюрго А. Избранные философские произведения / Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 92.

³⁴ Тюрго А. Последовательные успехи человеческого разума. С. 51.

³⁵ Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории. С. 85.

цивилизации склонны были решать в целом с позиций так называемого «социологического номинализма», или признания «автономии индивида», или, точнее, «автономии человеческого разума». Человеческий род как совокупность взаимодействующих индивидов стал считаться реальностью более фундаментальной и первичной по отношению к реальности социальных и политических единств — народов, обществ, государств. Просветители полагали прогресс цивилизации эндогенным по своей природе, т. е. обладающим внутренним, независимым источником саморазвития, заключенным в разумной человеческой природе. Как писал Тюрго, «плодоносные зародыши наук находятся всюду, где появляются люди»³⁶. В то же время концепция прогресса цивилизации не только подчеркивала момент человеческой рациональности и креативности, но и учитывала непреднамеренные последствия человеческих действий. Случившееся в истории, пишет Фергюсон, представляет собой «несомненно, результат человеческой деятельности, но не исполнение какого-либо человеческого замысла»³⁷.

При этом, как это видно уже у А. Тюрго, позитивные последствия для прогресса человеческого рода имеют не только разумные действия индивидов, но и те действия, мотивами которых являются «бурные и опасные» страсти, такие как честолюбие, тщеславие, алчность, зависть, ненависть. Положительная роль человеческих страстей и произведенных ими потрясений и опустошений, кровавых войн и революций в прогрессе человечества заключается в том, что они способствуют распространению и смешению народов, не давая человечеству оставаться разделенным на множество обособленных наций, а также пробуждают человеческий разум к деятельности, предоставляя ему новый и богатый опыт. Таким образом, страсти и производимые ими эффекты оказываются необходимым условием культурного прогресса человечества. «Только вследствие потрясений и опустошений нации распространялись, администрация и формы правления постепенно совершенствовались»³⁸. «И сами честолюбцы, создавая великие нации, содействовали видам провидения, успехам просвещения и, следовательно, увеличению счастья человеческого рода. Они бессознательно шли туда, куда толкали их страсти и неистовства»³⁹.

³⁶ Тюрго А. Последовательные успехи человеческого разума. С. 52.

³⁷ Цит. по: Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 115.

³⁸ Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории. С. 87.

³⁹ Там же. С. 85.

Экономика и наука были двумя сферами, применительно к которым идея прогресса могла быть обоснована наиболее очевидным образом. Просветителями было выдвинуто две схемы прогресса человеческого рода: одна описывала его как последовательность стадий дикости, варварства, цивилизации; другая относилась к смене четырех способов пропитания: охота, пастушество, земледелие, торговля. Во второй половине XVIII в. индустриализация только набирала обороты, и торговля рассматривалась в качестве ведущей сферы экономической деятельности, к тому же более всего способствующей прогрессу цивилизации, благодаря своей функции коммуникации — передачи, распространению и тем самым сохранению и накоплению человеческим родом достижений наук и искусств. Хотя связь науки и промышленности также вполне отчетливо осознавалась в то время, особенно ближе к концу века. Так, в 1794 г. Ж. Кондорсе писал: «Прогресс наук обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к наиболее деятельным причинам совершенствования человеческого рода»⁴⁰. Эта «научно-индустриальная» положительная взаимообратная связь стала определяющей в понимании цивилизации на протяжении всего XIX в. — от А. Сен-Симона до Э. Дюркгейма, сохранив свою актуальность вплоть до настоящего времени.

В то же время просветительская теория прогресса не исключала циклическую концепцию развития, которая обнаруживается в непосредственной связи с новым значением слова «цивилизация» сразу же, как только оно впервые появляется в печатном виде в текстах В. Мирабо. Так, в трактате «Друг человечества» он пишет о «естественном круге, ведущем от варварства к упадку, проходя через цивилизацию и богатство». В другом своем произведении — «Теория налога» (1760) В. Мирабо ссылается на «пример всех тех империй, что... прошли весь круг цивилизации»⁴¹. Таким образом, из слов В. Мирабо становится понятно, что в истории имеют место циклы, и цивилизация образует лишь недолгую высшую фазу в жизни народов. Но отсюда еще преждевременно делать вывод о том, что В. Мирабо выдвигает циклическую концепцию развития цивилизации. Тем более что у него встречаются значения термина «цивилизация», приписывающие «движению» всего рода человеческого

⁴⁰ Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума [1794] / Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 250.

⁴¹ Цит. по: Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 116.

некоторое единое направление совершенствования «общежителности» и увеличения «движимого богатства»⁴². Данная коллизия между циклической и прогрессистской интерпретацией истории находит объяснение, если принимается во внимание различие между двумя планами мировой истории: глобальным и локальным, культурным (цивилизационным) и политическим. Распад отдельных государств и народов не ведет к исчезновению человеческого рода. Как писал А. Тюрго, «человеческий род оставался всегда неизменным в своих потрясениях»⁴³. Но, даже высказываясь в духе «теории круговорота» о развитии отдельных обществ, Мирабо, тем не менее, полагал, что «порочный круг варварства и упадка может быть разорван в пользу цивилизации и богатства умелым и внимательным министром, который остановит эту машину, пока она не достигла своей цели»⁴⁴. И такой министр, с которым сторонники реформ связывали самые радужные ожидания, в правительстве Франции появился. Им стал не кто иной, как А. Тюрго.

Понятие цивилизации, движение реформ и Французская революция

Революции 1789 г. предшествовал период реформ, достигших наибольшего масштаба во время нахождения А. Тюрго на ключевом министерском посту генерального контролера финансов (1774–1776) и прерванных с его отставкой, в которую он был отправлен Людовиком XVI. Свертывание «либерального курса» Тюрго означало политический провал умеренно-оппозиционного, реформистского движения и усиление республиканских настроений, реализованных во Французской революции. Реформа и революция представляли собой разные политические стратегии буржуазии, сопряженные с различными дискурсами. Если революционеры-республиканцы использовали концептуальные ресурсы традиционной политической философии естественного права, то реформаторы-либералы прибегали к дискурсу нарождающихся социальных наук, одной из первых среди которых начала конституироваться политическая экономия.

Хотя понятие «цивилизация» возникло и получило большую популярность в эпоху Просвещения, оно не было порождением «революционного

⁴² Там же. С. 116.

⁴³ Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории. С. 78.

⁴⁴ Цит. по: Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 303.

духа». Так, слово «цивилизация» «почти никогда не встречается в полемических текстах Мирабо-сына, Дантона, Робеспьера, Марата, Демулена, Сен-Жюста»⁴⁵. Французская революция провозгласила своими принципами «свободу», «равенство» и «братство», но не «цивилизацию»⁴⁶. По словам Н. Элиаса, понятие цивилизации было «лозунгом реформы, а не революции»⁴⁷. Оно возникло в рамках реформистского движения физиократов, которые выступали за ограничение государственной власти и возлагали надежды на просвещенный абсолютизм. Политика, управленческая технология просвещенного абсолютизма физиократами понималась как самоограничение правительственного вмешательства в те сферы общественной жизни, где действуют естественные законы самоорганизации, прежде всего, в область экономических интересов, но также в сферу культурного производства, которое во всё большей степени сводилось к производству знания. Процесс научного познания, основывающийся на наблюдении (Ф. Бэкон) и рассуждении (Р. Декарт), рассматривался как подчиненный собственным правилам (методу), накладывающим ограничения на проявления человеческого догматизма и субъективизма («идолы познания» Ф. Бэкона), а также на вмешательство внешних инстанций (будь то церковь или государство). Возникшая по крайней мере уже в XVII в. «лаборатория» (в качестве примера можно привести опыты Р. Бойля) была, используя выражение М. Фуко, «местом истины», где вещи «говорят сами за себя», а ученые лишь наблюдают и записывают их свидетельства (Б. Латур). «Рынок» оказывается другим таким «местом истины», которое позволяет проявиться естественным, спонтанным механизмам на этот раз уже в сфере человеческих отношений⁴⁸. Физиократы и политэкономы рассчитывали иметь возможность наблюдать в условиях свободной торговли и конкуренции образование «естественной», или «нормальной», цены, которая (в отличие от средневекового понятия «справедливой» цены) выражает адекватное соотношение между затратами на производство и объемом спроса. «Естественная» цена оказывается и наиболее эффективной, «наилучшей» ценой с точки зрения полезности: она выгодна и продавцу (максимизирует его прибыль) и покупателю (минимизирует

⁴⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 111, 128.

⁴⁶ Boer P. den. Civilization: Comparing Concepts and Identities // Contributions to the History of Concepts. 2005. Vol. 1. N 1. P. 55.

⁴⁷ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 106.

⁴⁸ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. СПб.: Наука, 2010. С. 49.

его издержки). Однако как лаборатория является местом постановки эксперимента естествоиспытателем, так и рынок оказывается частью практик государственного управления, воспроизводимым результатом особой «правительственной технологии»⁴⁹, осуществляемой в соответствии с принципом *laissez-faire*. Императивы знания и богатства, с которыми самым непосредственным образом было связано понятие цивилизации, накладывали ограничения на вмешательство в сферы науки и экономики со стороны государства, а также, например, церкви, которая имела черты политического института. Провозглашенный физиократами принцип *laissez-faire*, или, по выражению Адама Смита, естественной свободы, накладывал ограничения на политический волюнтаризм, имея в виду увеличение благосостояния нации и наиболее эффективное удовлетворение индивидуальных и государственных интересов.

«Реформа» и «революция» предполагали две разные логики ограничения государственных интересов. Во Французской революции нашел выражение «аксиоматический, юридически-дедуктивный» путь решения проблемы ограничения осуществления государственной власти, артикулированный в традиционных позициях публичного права. Он состоял в том, что естественные и неотчуждаемые права человека ставят внешний предел компетенции государственной власти. Здесь прослеживается преемственность между теоретиками естественного права XVII в. и юристами и законодателями Французской революции, заново поднимающими проблему государственного права, которую юристы XVII в. противопоставляли государственным интересам⁵⁰. Другой путь был избран французскими физиократами, шотландскими политэкономами и английскими утилитаристами. Этот путь предполагал внутреннее ограничение правительственных интересов, основанное на знании природы явлений и естественного хода вещей (само слово «физиократия» означает «власть природы»). Как поясняет М. Фуко, этот путь состоял в том, чтобы исходить не из права, но из самой правительственной практики и пытаться ее анализировать в зависимости от фактических пределов, которые могут прийти из «естественного» порядка вещей, а также в зависимости от желательных пределов, устанавливаемых в виду целей правительства. Предел компетенции правительства определяется границами полезности правительственной деятельности. Так возникают две совершенно разнородные концепции свободы: одна

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 58–59.

мыслится с позиции естественных прав человека, а другая воспринимается исходя из независимости и интересов управляемых⁵¹. На практике эти две концепции свободы могли совпадать или не совпадать друг с другом: экономический либерализм может сочетаться с более или менее существенным ограничением политических свобод (например, период «новой экономической политики» в советской истории). Ж. Кондорсе упрекал французских экономистов-физиократов в том, что те обнаруживали «слишком часто забывчивость относительно политической свободы ради интересов свободы торговли»⁵². Следует отметить, что различие между этими двумя путями ограничения государственных интересов не было исключительно диахронным, т. е. различием между «старым», «политико-философским», и «новым», «социально-научным» подходом. В действительности, как отмечает А. Гоулднер, это различие было проявлением присущего утилитарной культуре буржуазии постоянного конфликта между полезностью и моралью или «естественными правами»⁵³. Однако доминирующая тенденция состояла в соединении дискурса естественных прав человека и дискурса естественной свободы индивидов. Ж. Кондорсе в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1794) писал: «Забота обеспечить каждому его естественные права является одновременно единственно полезной политикой, единственным долгом социальной власти и единственным правом, которое общая воля могла бы закономерно осуществлять»⁵⁴. Таким образом, в годы Французской революции цивилизационный дискурс инкорпорировал философско-юридический дискурс естественных прав человека. Представление об экономической и политической свободе стало определяющим в нормативной концепции цивилизации.

Возвышение понятия «общество» и возникновение социологии

Термин «цивилизация» восстанавливал гражданские и политические значения своего латинского предшественника *civilis*, утраченные в слове *civilité*. Понятие «цивилизация» смещало ценностно-смысловые акценты с «государства» на «гражданское общество» (можно сказать,

⁵¹ Фуко М. Рождение биополитики. С. 58–59.

⁵² Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. С. 179.

⁵³ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 173.

⁵⁴ Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. С. 168.

что само направление подобного смещения подсказывалось более ранним юридическим значением термина «цивилизация», обозначающего перевод уголовного дела в разряд гражданских). Само понятие гражданского общества подверглось существенному переосмыслению по сравнению с политической философией XVII – первой половины XVIII в., опиравшейся на концепции «естественного права» и «общественного договора». В политической философии XVII в. гражданское общество и политическое общество возникали одновременно в учреждающем государстве акте общественного договора. Главная концептуальная новация второй половины XVIII в. состояла в отделении социальных связей от политических. Гражданское общество теперь стало рассматриваться как реальность *sui generis* по отношению к политике. Однако это разделение «политического» и «социального» было сделано для того, чтобы в качестве следующего шага концептуального развития включить «политическое» в состав «общественного». В большинстве общественных теорий XIX в. характер и объем социальных связей концептуализировался таким образом, что мог включать и политические связи⁵⁵.

Подъем социальных наук, начавшийся в самом конце XVIII в., представлял собой «постреволюционный феномен». «Общество» как объект социальных наук оказалось «постреволюционным открытием»: социальная теория была способом уменьшения принципиальной неопределенности и случайности, порожденной собственными усилиями людей⁵⁶. Переход от дискурса моральной и политической философии к дискурсу социальных наук, произошедший в рудиментарной форме в конце 1790-х гг. во Франции, «сопровождался решающим сдвигом от агентского (*agential*) — можно даже сказать волюнтаристского — взгляда на общество к взгляду, который подчеркивал структурные условия»⁵⁷. Представление об «автономии социальной структуры» стало конститутивной «доменной предпосылкой» социологии⁵⁸.

Структурно-институциональный способ анализа стал определяющим в социологии. При этом социальные науки сохранили унаследованное от эпохи Просвещения представление о социальной и культурной креативности человеческого действия. Однако это видение человеческой свободы и креативности, в противоположность

⁵⁵ Вагнер П. Социальная теория и политическая философия // Логос. 2008. № 6. С. 59.

⁵⁶ Там же. С. 60–61.

⁵⁷ Wittrock B. Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations. P. 42–43.

⁵⁸ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 78–82.

подчеркиванию детерминирующего потенциала социальной структуры и культуры, имело устойчивую тенденцию к тому, чтобы оставаться на периферии внимания социологии. По словам А. Гоулднера, «это целостное понятие о человеке — основной господствующий взгляд на него как на управляемый продукт общества и культуры в сочетании с дополняющим его понятием о человеке как творце общества и культуры — образует уникальное противоречие, отличающее социологию»⁵⁹.

В социологии понятие «цивилизация» постепенно было вытеснено понятием «общество», которое задавало иную интерпретацию «социального», «культурного», «политического» и их взаимоотношений, а также другое понимание человеческой агентности. Каждое из этих двух понятий стремилось быть всеобъемлющим и охватывало собой все сферы человеческой деятельности. При этом каждое из них ограничивало сферу «политического», подчиняя ее неполитическим факторам. Однако между ними было и принципиальное различие. Если термин «цивилизация» акцентировал внимание на культуре, продуктах человеческой деятельности, то термин «общество» — на социальной структуре и социальных формах человеческого взаимодействия. В первом случае человек наделялся качествами творца культуры и субъекта истории; во втором — выступал как носитель или даже продукт общественных отношений, объект детерминирующего воздействия социальной структуры. В социологии предпосылка «автономии социальной структуры» сменила лежавший в основании просветительской всеобщей истории цивилизации принцип «автономии человеческого разума».

Просветительский проект всеобщей истории цивилизации был воспринят и получил продолжение в «ранней» социологии. У О. Конта встречается определение социологии как «науки о цивилизации». В начале XIX в. в ранней социологии (в работах А. Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера) присущее просветительскому понятию цивилизации напряжение между культурой и экономикой, с одной стороны, и религией и политикой, с другой, вылилось в противопоставление двух типов общества, один из которых описывался как «военный и теологический», а другой — как «индустриальный и научный». «Цивилизация» в контексте такого противопоставления рассматривалась в качестве атрибута второго, «современного» типа общества и понималась как «комплекс», состоящий из «науки, искусства и промышленности». Это

⁵⁹ *Гоулднер А.* Наступающий кризис западной социологии. С. 81.

понимание цивилизации устойчиво воспроизводилось во французской социалистически-социологической традиции на протяжении всего XIX в. — от А. Сен-Симона, Ш. Фурье, О. Конта до Э. Дюркгейма. Однако постепенно, к концу XIX в., унитарное понятие цивилизации было целенаправленно вытеснено на периферию социологического дискурса и анализа. Э. Дюркгейм в своих работах 1890-х гг. подверг критике теории прогресса и индустриального общества О. Конта и Г. Спенсера именно как «теории развития цивилизации», противопоставив им «социальную морфологию». Однако в «классической» социологии в трудах Э. Дюркгейма и М. Вебера был не только совершен разрыв с линейно-эволюционистской концепцией цивилизации и просветительским проектом всеобщей истории цивилизации, но также осуществлен поворот к сравнительным исследованиям цивилизаций и заложены основания плюралистической традиции цивилизационного анализа в социологии. Уже в самом начале XX в. Э. Дюркгейм реабилитировал понятие цивилизации в качестве одной из центральных категорий общей социологии и приступил (совместно с М. Моссом) к разработке плюралистической концепции цивилизации⁶⁰. Таким образом, понятие цивилизации играло важную роль и в «ранней», и в «классической» социологии. Но если в первом случае это была унаследованная от просветителей унитарная концепция цивилизации, то во втором — плюралистическая интерпретация этого понятия.

Плюралистическая концепция цивилизации постепенно кристаллизовалась с начала XIX в. В ней, в отличие от унитарной концепции цивилизации, на первый план вышли как раз религия и политика, рассматриваемые в тесной связи друг с другом. В дальнейшем религиозно-политическая взаимосвязь вообще становится преимущественной темой цивилизационного анализа⁶¹. Таким образом, внутреннее напряжение, изначально заключавшееся в просветительском синтетическом понятии цивилизации, привело к образованию двух оппозиционных по отношению друг к другу концепций цивилизации — унитарной и плюральной. При этом в центре каждой из них находилось понятие так или иначе трактуемой *культуры*, сводимой то к науке,

⁶⁰ *Durkheim E.* Civilisation in General and Types of Civilisation [1902] // Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York: The Free Press, 1982. P. 243–244; *Durkheim E., Mauss M.* Note on the notion of civilization [1913] // Social Research. 1971. Vol. 4 (38). P. 808–813.

⁶¹ *Арнасон Й.* Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 6.

то к религии; то к эмпирическому знанию, то к космологическим воззрениям, включая представления о трансцендентной реальности. И проблемный узел как просветительской унитарной, так и более поздней плюралистической концепции цивилизации составляли отношения между культурой и властью. Другой узел цивилизационной проблематики, формулируемый в терминах соотношения культуры и социальной структуры, кристаллизовался в контексте подъема понятия «общество» и конституирования социологии в качестве самостоятельной и всеобъемлющей социальной науки. Различные способы решения этой «двойной проблематики» в рамках цивилизационного анализа и социологии способствовали как дивергенции, так и конвергенции траекторий концептуальной эволюции этих двух областей социально-исторического исследования.

Ю.А. ПРОЗОРОВА

ИНТЕГРАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ¹

Статья посвящена изучению интегративной перспективы в цивилизационном анализе. Основное внимание уделено реализации принципа уровневой интеграции в цивилизационных концепциях, «связи микро и макро» как важнейшей теоретико-методологической проблеме в социологии. Обращается внимание на выраженный интегративный характер цивилизационных концепций Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта и Р. Коллинза, демонстрируемый в отказе от уровневого детерминизма, замененного принципом взаимодействия и взаимозависимости институтов макроуровня, масштабных структур и процессов и микроуровня индивидуальных действий и межличностных взаимодействий. Подчеркивается, что в современном цивилизационном анализе развиваются и другие направления интеграции — теоретико-концептуальный синтез интегративного анализа культуры, структуры и действия, а также культуры, экономики и власти как измерений цивилизационных комплексов.

Ключевые слова: интегративный подход, метатеория, цивилизационный анализ, цивилизация, интеграция микро и макро, структура, культура, действие, интерактивный ритуал.

Введение

Становление интегративного подхода является одним из важнейших направлений теоретико-методологической эволюции социологии XX в. Актуальность и широкое распространение данного подхода позволили Дж. Ритцеру² определить его как особую социологическую парадигму. Развитие интегративного подхода хронологически совпало с «цивилизационным поворотом», ренессансом цивилизационной проблематики в социологии, который произошел в 1970–80-х гг. Концепция Ш. Эйзенштадта, с которой связано возрождение социологической рефлексии о цивилизационных феноменах, как и последующие идеи и теории в цивилизационном анализе, демонстрируют восприимчивость к актуальным теоретическим дискуссиям о принципе

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарно-научного фонда, проект № 10-03-00840а.

² *Ritzer G. The Recent History and the Emerging Reality of American Sociological Theory: A Metatheoretical Interpretation // Sociological Forum. Vol. 6 (1991). N 2. P. 269–287.*

интегративности. Следует отметить, что идея интегративного подхода и цивилизационная тематика были озвучены гораздо раньше в еще довоенных работах Н. Элиаса, посвященных «процессу цивилизации». Однако идеи Элиаса, высказанные в изданной в 1939 г. монографии «О процессе цивилизации», очень долго оставались незамеченными социологическим сообществом. Осмысление его концепции процесса цивилизации и методологической позиции произошло значительно позже, после переиздания книги в 1969 г., отчасти совпав с дискуссией о мультипарадигмальности в социологии, развитием сравнительно-исторической социологии и возвращением цивилизационной проблематики в социологический дискурс.

Данная статья ориентирована на изучение интегративной перспективы в цивилизационном анализе. Основное внимание уделено ключевой для интегративного подхода проблеме отношений микро- и макроуровней анализа, описанию релевантных эпизодов истории теоретической дискуссии, метааналитическому инструментарию Дж. Ритцера и исследованию с его помощью цивилизационных концепций Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта и Р. Коллинза³.

Интегративная парадигма в социологии

К 1970-м гг. XX в. социологическая наука вступила в период ослабления позиций макросоциологии, которая постепенно утрачивала свое лидирующее положение. Прежняя доминанта макросоциологических концепций стимулировала развитие микросоциологии, становление которой в конце 1950 — начале 1960-х гг. протекало в условиях жесткой оппозиции между представителями этих двух социологических доменов⁴. Гегемония макросоциологии сменилась биполярностью микро- и макросоциологических парадигм, которые стали подвергаться критике в теоретико-методологическом радикализме. Эта ситуация способствовала развитию интегративного подхода

³ Ввиду ограниченного объема в настоящей статье не рассматриваются «цивилизационно-историческая перспектива» в сравнительной социологии Б. Нельсона, а также «парадигма» цивилизационного анализа Й. Арнасона, заслуживающие особого внимания в контексте обозначенной интегративной проблематики. Анализ интегративной ориентации этих теоретических проектов будет осуществлен в последующих публикациях.

⁴ *Ritzer G. The Rise of Micro-Sociological Theory // Sociological Theory. Vol. 3 (1985). N 1. P. 88–98.*

и формированию альтернативных интегративных теорий, призванных преодолеть противоречия холизма и индивидуализма, объединить оппозиционные макро- и микро подходы, субъективизм и объективизм и определить компромиссные варианты синтеза классической для социологии антитезы структуры и действия. В своей статье Дж. Ритцер⁵ отмечает, что в 1980–1990-е гг. все более очевидным в социологии, особенно американской, становится движение от «теоретического сепаратизма» к теоретической интеграции и синтезу. Несмотря на то, что «микро–макро дилемма» всегда была в фокусе социологического теоретизирования, в том числе и в трудах классиков М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса и даже самого ортодоксального макросоциолога Т. Парсонса, тем не менее послевоенный этап ее решения рассматривается как принципиально новая фаза, которая характеризовалась «беспрецедентным» в истории социологии настойчивым обоюдным стремлением двух теоретических традиций преодолеть эту великую теоретическую (и внутридисциплинарную) схизму⁶.

Интегративный подход, по мнению Дж. Ритцера⁷, фокусировался на двух ключевых теоретических проблемах: «связь микро и макро» (интеграция микро- и макропозиций) и «структура vs. действие». Проблематизирование моноуровневого детерминизма в социологическом анализе и интеграция аналитических измерений «макро- и микро» является важнейшей характеристикой развития теоретической социологии с конца 1970-х гг.⁸ Теории и метатеории интегративного направления стремились объединить микро- и макроуровни анализа,

⁵ *Ritzer G.* The Recent History and the Emerging Reality of American Sociological Theory: A Meta-Theoretical Interpretation // *Sociological Forum*. Vol. 6 (1991). N 2. P. 269–287.

⁶ *Alexander J.C., Giesen B.* From Reduction to Linkage: the Long View of the Micro–Macro Link // *The Micro–Macro Link* / J.C. Alexander, B. Giesen, R. Munch, N.J. Smelser (eds.) University of California Press, 1987. P. 1–44.

⁷ *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

⁸ См., например: *Collins R.* Micro-Translation as a Theory-Building Strategy // *Advances in Social Theory and Methodology* / K. Knorr-Cetina and A. Cicourel (eds). New York: Methuen, 1981. P. 81–108; *Idem.* On the Microfoundations of Macrosociology // *American Journal of Sociology*. Vol. 86 (1981). P. 984–1014; *Haynor A. L.* Micro-Macro Integration in Sociology: Whither Progress? // *Sociological Forum*. Vol. 4 (1989). N 3. P. 447–453; *Eisenstadt S.N., Helle H.J.* (eds.) *Macro-Sociological Theory. Perspectives on Sociological Theory*. Vol. 1. Sage Studies in International Sociology, 33 (1985); *Idem.* *Micro-Sociological Theory. Perspectives on Sociological Theory*. Vol. 2. Sage Studies in International Sociology, 34 (1985); *Alexander J.C., Giesen B., Munch R., Smelser N.J.* (eds.) *The Micro-Macro Link*. University of California Press, 1987.

уровень анализа индивидуального действия, взаимодействий, ментальных и эмоциональных процессов и уровень изучения институтов, масштабных структур и процессов, демонстрируя их взаимосвязь и взаимозависимость. Важнейшей максимой интегративного подхода стал отказ от микро- или макроуровневого редукционизма, детерминизма и однонаправленности воздействия микро- или макрофакторов. Интегративность реализовывалась через утверждение методологического принципа взаимообусловленности явлений микро- и макропорядка.

Ш. Эйзенштадт и Х. Хелле⁹ выделили три основные теоретико-методологические позиции, связанные с конвергенцией «микро и макро»: (1) анализ деятельности различных акторов, через которую конструируются институциональные порядки и ситуации взаимодействий; (2) утверждение автономности индивидуальных социальных акторов, которые участвуют в конструировании социальных ролей, структур и порядков; (3) ориентация на изучение измерений власти и символического конструирования реальности в формировании институциональных порядков и ситуаций взаимодействия. Проекцией последней позиции в современном цивилизационном анализе в социологии является проблематика отношений культуры и власти, которую некоторые исследователи позиционируют как центральную для цивилизационного анализа (например, Й. Арнасон¹⁰).

Сама проблематика «связи микро и макро» рассматривалась как различие уровней анализа, а не социальной онтологии. При этом вопрос трактовки «микро» и «макро» остается открытым, среди социологов нет единого понимания того, что считать и относить к «микро», а что — к «макро». В различных вариантах теоретического решения «микро—макро» проблемы основные аналитические единицы, соотносящиеся с данными уровнями, интерпретируются по-разному. Приведем несколько возможных интерпретаций того, что относят исследователи к микро- и макроуровням¹¹:

⁹ Eisenstadt S.N., Helle H.J. General Introduction to Perspectives on Sociological Theory // Macro-Sociological Theory. Perspectives on Sociological Theory / S.N. Eisenstadt, H.J. Helle (eds.) Sage Studies in International Sociology, 33 (1985). Vol. 1. P. 1–3.

¹⁰ Arnason J. Civilizational Analysis: A Paradigm in the Making // Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS) World Civilizations / Holton R. (ed.). Oxford: Eolss Publishers.

¹¹ Munch R., Smelser N.J. Relating the Micro and Macro // The Micro-Macro Link / J.C. Alexander, B. Giesen, R. Munch, N.J. Smelser (eds.). University of California Press, 1987. P. 356–385.

	«Микро»	«Макро»
Г. Блумер	Социальные интеракции, характеризующиеся интерпретативной деятельностью индивидов (когнитивные)	Популяция
Дж. Александер	Малые социальные единицы	Большие социальные единицы
Р. Коллинз	Интеракции (встречи и обмены)	Повторяющийся опыт множества индивидов, имеющий пространственно-временное измерение
П. Блау	Социальные процессы, порождающие отношения между индивидами	Структура разных позиций в популяции и ее органичения, проецирующиеся на популяцию
	Индивиды	Популяции

Второй наиболее важной проблематикой для интегративной перспективы стала дихотомия структуры и действия (агентности), преодоление противопоставленности социального и индивидуального, институтов и индивида, детерминизма и волюнтаризма, холизма и индивидуализма и поиск объяснений их взаимосвязи. Традиционно представители микросоциологии рассматривали структуры как эпифеномен агрегации и повторяемости индивидуальных действий, а приверженцы макросоциологии трактовали индивидуальные действия как детерминированные социальными институтами, сформированные структурой и ее ограничениями. Задача синтеза, соответственно, заключалась, во-первых, в отказе от представлений о доминирующей роли структуры или действия и, во-вторых, в объяснении конституирующего структуру эффекта действий и одновременно форматирующего воздействия структуры на действия индивидов. Структура и действие неразрывно связаны друг с другом и предполагают друг друга, однако механизмы их взаимодействия объяснялись по-разному в предлагаемых социологами вариантах интеграции действия и структуры (например, теория структуриации Э. Гидденса и морфогенетическая концепция М. Арчер).

Важнейшей связанной с проблематикой «структура vs. действие» темой, которая акцентировалась М. Арчер¹², является анализ отношений

¹² Archer M.S. Culture and Agency. The Place of Culture in Social Theory. Cambridge University Press, 1996.

и интеграция культуры и действия. Введение культурного измерения в поле интегративного анализа расширяет его эвристические возможности. Как отмечает Арчер¹³, проблема отношений структуры и действия «затмила» вопрос отношений культуры и действия, культурное измерение либо исключается из социологического анализа как не относящееся собственно к сфере социального, либо сливается со структурным измерением, либо признается детерминирующим, подавляя иные.

Арчер рассматривает структуру и культуру как существенно различные и относительно автономные домены, которые, тем не менее, часто признаются идентичными и объединяются. Методологический принцип относительной автономии культуры и структуры, принятый Арчер в контексте интегративного подхода, имеет особое значение для современного цивилизационного анализа как одно из ключевых положений его программы. Согласно Арчер, социологический анализ должен фокусироваться на отношениях «структуры—культуры—действия». Эта методологическая триада стала ключевой для цивилизационного анализа в его современной интерпретации. Данный принцип сформулирован Ш. Эйзенштадтом, в работах которого наряду с анализом структуры и действия отмечается важность включения культурного, идеационного измерения.

Особое внимание необходимо уделить вопросу концептуализации интегративной проблематики в терминах «микро—макро» и «структура—действие». Некоторые исследователи отождествляют микроуровень с агентностью, а макроуровень со структурой¹⁴. Ритцер¹⁵, напротив, считает, что в рамках интегративного подхода «микро- и макроинтеграция» и интеграция «структуры и действия» представляют два самостоятельных направления, нетождественных друг другу. Европейской социологии свойственно оперировать терминами агентности и структуры/культуры (например, Э. Гидденс, М. Арчер). М. Арчер полагает, что фундаментальная проблематика дилемм «микро—макро» и «структура—действие» в целом идентична, однако критикует «микро—макро» перспективу за предполагаемую иерархичность, а главное — размерность «малое—большое» анализируемых единиц, которые соотносятся в этих уровнях. Реальные свойства и качества социальной реальности

¹³ Archer M.S. Culture and Agency. P. xi.

¹⁴ Tsekeris C., Lydaki N. The Micro—Macro Dilemma in Sociology: Perplexities and Perspectives // Sociologija. LIII (2011). N 1. P. 67—82.

¹⁵ Ritzer G. The Recent History and the Emerging Reality of American Sociological Theory: A Meta-Theoretical Interpretation. P. 479—481.

не являются по определению связанными с размером взаимодействующих элементов. Арчер предлагает переформулировать «микро—макро» в отношении социального и системного, действия и среды (*environment*), приходя к выводу, что концептуализация «структура—действие» является более адекватной¹⁶. Критика соотношения микроуровня с деятельностью, а макроуровня со структурой, представленная Ритцером, основана на том, что деятельность может соотноситься не только с индивидами, но и с макроколлективными образованиями, организациями, государствами. В то же время структуры соотносятся не только с масштабными структурами, но могут представляться в виде микроструктур, включенных в человеческое взаимодействие, таким образом «микро» может относиться или не относиться к «агентам», а «макро» не обязательно связано со «структурами»¹⁷.

Арчер и Коллинз¹⁸ сходятся во мнении, что «микро» и «макро» реляционны и определяются относительно друг друга. «Микро» и «макро» не являются фиксированными, правильнее говорить о микро—макро континууме, в котором «микро» и «макро» определяются, исходя из масштаба рассматриваемых феноменов. «Микро и макро надо рассматривать не как абсолютные категории, а как полюса континуума»¹⁹. Например, если рассматривать государство как макроуровень, то институты, организации, индивиды будут определяться как «микро». Мир-система является образованием еще более «макро», чем государство, последнее можно рассматривать как составляющее первого, а потому уже оно оказывается относительно «микро». Коллинз подчеркивает, что важнейшими измерениями являются пространство и время. Макрообразования более продолжительны во времени и охватывают большие территории. Исходя из изложенного выше, микро- и макроаналитические измерения релевантны для изучения столь масштабных феноменов, как цивилизации, которые охватывают, без сомнения, большие территории и существуют в течение продолжительного периода времени.

Однако в отличие от Ритцера и Арчер, Коллинз настаивает, что измерение «микро—макро» более адекватно научному анализу, чем

¹⁶ Archer M.S. *Realist Social Theory: the Morphogenetic Approach*. Cambridge University Press, 1995. P. 7–12.

¹⁷ Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. С. 446–447.

¹⁸ Archer M.S. *Realist Social Theory: the Morphogenetic Approach*. P. 9; Collins R. *Theoretical Sociology*. San Diego: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1988.

¹⁹ Collins R. *Theoretical Sociology*. P. 386.

«агент–структура», считая последнюю оппозицию идеологически нагруженной. Микросоциологию нельзя сводить к изучению действия, поскольку она в первую очередь занимается изучением микроструктур. Следуя позиции Коллинза, который полагает, что ресурсы для разрешения проблематизируемой им агент–структурной оппозиции сосредоточены именно в сфере отношений микро- и макросоциологического анализа²⁰, исследование уровней анализа и их интеграции представляется наиболее приоритетным для данной статьи. Аргументом в пользу фокусирования на микро- и макроуровнях является признание относительности «микро» и «макро», существования макроакторов и микроструктуры, присутствия агентности и структуры на всех уровнях, что заставляет избегать отождествления «микро» с действием, а «макро» со структурой. Социальные явления и процессы необходимо рассматривать как конститулируемые и включенные в отношения взаимовлияния относительных их микро- и макроуровней, исследуя механизмы, через которые реализуется эта уровневая сопряженность. «Микро–макро» формат предполагает возможность включения в анализ как радикальных микросоциологических факторов (эмоциональных и ментальных, действий и межличностных интеракций), так и макросоциологических (институтов, культуры, социоисторического контекста).

Актуализация проблемы интеграции в социологии уровней анализа и синтеза теорий почти совпала с «цивилизационным поворотом» в социологии в 1970–80-е гг.²¹, который во многом был обусловлен развитием концепции множественных модерностей, связанной с работами третьего поколения исследователей в области сравнительной социологии и оппозицией европоцентристской унитарной модели модернизации²². Особый интерес представляет тот факт, что эксплицитно интегративные теории в цивилизационном анализе были разработаны Н. Элиасом, Ш. Эйзенштадтом и Р. Коллинзом, которые активно участвовали в интегративной дискуссии в социологии XX в. Акцентуация в социальных науках проблематики отношений индивида и общества, индивидуального и социального, действия и структуры и поиск

²⁰ Collins R. The Romanticism of Agency/Structure Versus the Analysis of Micro/Macro // Current Sociology. N 40 (1992). P. 77–97.

²¹ Arnason J.P. Domains and Perspectives of Civilizational Analysis // European Journal of Social Theory. Vol. 13 (2010). N 1. P. 5–13.

²² Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // Rethinking civilizational analysis / Said Amir Arjomand and Edward A. Tiryakian (eds.), Sage Studies in International Sociology. Vol. 52. London: Sage Publications, 2001. P. 103–118.

теоретических объяснений их взаимодействия, исключаящего макро-детерминизм и редукционизм, является симптоматичной для дискурса модерности и ее культурной программы, в центре которой находится концепция активного действия и идеи автономности индивида²³ и рациональности, антиномии индивидуальной автономии и коммунальности. Ввиду этого собственно интегративный дискурс в социологической науке может рассматриваться как участвующий в конструировании модерности и научной легитимации проблематики модерности, становясь предметом изучения цивилизационного анализа.

Метаисследование уровней анализа цивилизационных концепций в социологии

Метаисследование цивилизационного анализа как особой перспективы в социологической науке предполагает изучение его теоретико-концептуального комплекса с помощью инструментов метатеоретического исследования, важнейшим из которых является «уровень исследования»²⁴: благодаря ему могут быть выявлены аналитические уровни концепций цивилизационного анализа и их соотношение. Изучение аналитических микро- и макроуровней позволяет не только выявить внутреннюю логику построения концепций и их конституцию, но и определить, как организуются концепции по признаку фокусирования на микро- и/или макроуровнях анализа. Данная статья фокусируется на исследовании интегративного статуса концепций цивилизационного анализа посредством выявления вариантов уровневой интеграции и логики межуровневых связей. Исследование уровней анализа в цивилизационных концепциях позволяет проследить, насколько актуальная дисциплинарная среда, контекст, внутринаучные тенденции нашли отражение в развивающейся в социологии цивилизационной перспективе.

Подобные исследовательские интенции соотносятся с первым типом (Mu) метатеоретического анализа в типологии, разработанной Дж. Ритцером²⁵ — исследование «внутренней структуры существующих

²³ Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Briel Academic Pub, 2003. P. 33–56.

²⁴ Ritzer G. Explorations in Social Theory: from Metatheorizing to Rationalization. Sage Publications Ltd, 2001. P. 80.

²⁵ Ibid.

социологических теорий»²⁶, «исторического, когнитивного, организационного контекста» социологической теории, перспективы²⁷. Изучение аналитических уровней связано с «внутренним интеллектуальным измерением» теории, одним из четырех измерений метатеоретического исследования когнитивной структуры социологической теории²⁸.

Апологет современного метаанализа в социологии Дж. Ритцер, анализируя внутридисциплинарные теоретические тенденции в социологии, гегемонию макросоциологии и становление микросоциологии²⁹, одним из первых заявил о развитии интегративной парадигмы в социологии, представив разработанную им интегративную аналитическую модель (рис. 1)³⁰.

Эта модель объединяет в себе микро- и макроуровни анализа, а также объективное и субъективное измерения. По сути, в данной модели Ритцер стремился представить основные компоненты интеграции — уровни «макро» и «микро» (по горизонтали) и области действия

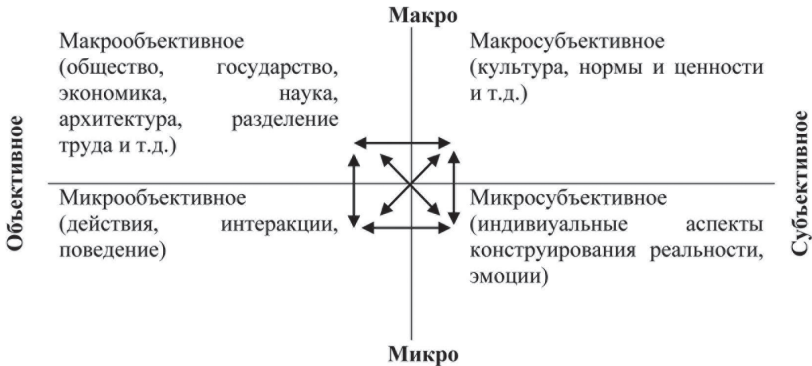

Рис. 1. Уровни социального анализа в интегративной модели Дж. Ритцера

²⁶ *Zhao S.* Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis: What, Why, and How? // *Sociological Perspectives. Recent Explorations in Sociological Metatheorizing*. Vol. 34 (1991). N 3. P. 378.

²⁷ *Turner J.* Developing Cumulative and Practical Knowledge Through Metatheorizing // *Sociological Perspectives. Recent Explorations in Sociological Metatheorizing*. Vol. 34 (1991). N 3. P. 251.

²⁸ *Ritzer G.* Explorations in Social Theory: from Metatheorizing to Rationalization. P. 25.

²⁹ *Ritzer G.* The Rise of Micro-Sociological Theory. P. 88–98.

³⁰ *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. С. 420.

(микро-объективный сектор), субъективные факторы (микро-субъективный сектор), структуры (макро-объективный сектор) и культуру (макро-субъективный сектор). Данная интегративная модель может быть использована в нашем исследовании. С ее помощью можно осуществить анализ положений и ключевых категорий концепций цивилизационного анализа, и, локализуя их в секторах данной модели, проследить взаимосвязь и выявить таким образом общую аналитическую направленность концепции. Далее в статье будут проанализированы цивилизационные концепции Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта и Р. Коллинза. Более ранние концепции цивилизации, представленные в работах классиков: Э. Дюркгейма (совместно с М. Моссом)³¹ и М. Вебера, — и включавшие в анализ микро- и макроуровни, носят более однонаправленный макроориентированный характер и не являются эксплицитно интегративными.

Концепция процесса цивилизации Н. Элиаса

Разработанная Н. Элиасом концепция «цивилизационного процесса»³² является одним из наиболее ярких и ранних примеров применения в социологии интегративного подхода. В этой связи Элиаса можно считать одним из основоположников этого направления. В предисловии к своей знаменитой работе «О процессе цивилизации» он артикулирует теоретико-методологические принципы своего исследования, разрабатывая интегративный подход, который в расширенном варианте будет изложен позже в работе «Общество индивидов»³³.

На обширном историческом материале средневековой Франции Элиас проанализировал и продемонстрировал взаимосвязь и взаимозависимость процесса формирования централизованного абсолютистского государства, сопровождаемого *дифференциацией труда*, монополизацией *власти* — сбора налогов и применения насилия — удлинением цепочек взаимозависимости, интенсификацией *взаимодействий* между индивидами с трансформацией психических структур, интернализацией механизмов управления *эмоциями, аффектами и влечениями*. Усиливающаяся взаимозависимость индивидов, формирование социальных

³¹ Durkheim E., Mauss M. Note on the Notion of Civilization / trans. by B. Nelson // Social Research. Vol. 38 (1971). N 4. P. 808—813.

³² Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х томах. СПб.: Университетская книга, 2001.

³³ Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

сетей и появление новых форм социальных отношений детерминируют формирование определенного *габитуса*, специфической формы психического устройства, при котором внешнее принуждение интериоризуется, превращаясь в систему внутренних запретов, механизм самодерживания и подавления аффектов. Исторические трансформации социальной структуры происходят совместно и взаимосвязанно с изменениями личностной психической структуры. Этот процесс сопряженных трансформаций на микро- и макроуровнях, в ходе которого формируется новая психическая структура, определяется Элиасом как цивилизационный.

Главный тезис Элиаса состоит в том, что макроуровневые структурные изменения — удлинение цепочек взаимозависимости и усложнение социальных отношений — коррелируют с тем, что происходит на микроуровне. При этом здесь не подразумевается уровневая доминанта, подход Элиаса подчеркивает взаимодействие уровней, производимые ими явления не являются запланированными или преднамеренными. Процесс цивилизации — это социальный процесс «изменений в формах взаимных связей и взаимной зависимости людей, вместе с которыми менялись и их влечения»³⁴. Отвечая на вопрос, почему меняются *институты*, *поведение* и аффекты, и почему они меняются именно таким образом, Элиас отмечает необходимость фиксировать процессуальность и взаимосвязанность процессов, поскольку за трансформацией институтов стоят «изменения в структуре человеческих отношений — изменения, явно не планировавшиеся индивидами, которые вынуждены были подчиняться этим изменениям [...] это относится и к изменениям самого человеческого *habitus*'а, и к процессу цивилизации»³⁵. Важную роль в этих процессах играют *фигурации*, цепочки взаимозависимости, «социальные процессы, в которых люди “сплетены” друг с другом», результаты этого сплетения всегда непреднамеренны. Но в исторической перспективе они, продолжительные во времени и масштабные, приобретают принудительную силу. Однако генезис этого принуждения кроется во взаимоотношениях и взаимодействиях на микроуровне. Понятие *фигурации* являются методологической новацией Элиаса, воплощающей интегративный принцип, связь индивида и общества, действия и структуры, репрезентируя

³⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. С. 29.

³⁵ Ibid. С. 36.

взаимосвязь условных уровней реальности. Она объемлет идею процессуальности, взаимозависимости микроуровневых процессов взаимодействия и одновременного формирования структур. Фигурации — это макросетевые образования, созданные микроуровневыми взаимодействиями, агрегация которых порождает новое эмерджентное свойство, несводимое к самим взаимодействиям.

В межличностной сфере проекцией габитуса, индикатором цивилизационного процесса исторически явилось формирование придворного этикета, куртуазности, совокупности норм и ритуалов взаимодействий, регуляторов поведения индивидов. Формирование этих интерактивных максим стало рассматриваться в глобальном историческом масштабе как маркер цивилизованного состояния, а владение ими в конкретной социальной ситуации — как показатель социального статуса и выражение отношения к другому.

Рост взаимозависимостей стимулирует не только появление новых форм самоконтроля («психологизацию») и принципов поведения, но и порождает рационализацию, новый цивилизационный габитус сопряжен с рациональностью. Индивид сознательно применяет механизмы самоконтроля, потому что осознает последствия его отсутствия, он выстраивает взаимодействие с другими наиболее выгодным для себя образом. Тема социально одобряемых конвенциональных принципов, приемов, управляющих межличностной интеракцией, была наиболее полно раскрыта Э. Гоффманом, который ввел для их описания понятие «интерактивный ритуал» (Элиас его не использует, но оно в высшей степени релевантно для его концепции). Интерактивные ритуалы — это приемы, способы поддержания «лица», выражения почтения, уважения, правила инициирования и завершения взаимодействия, техники коррекции и поддержания «интерактивного эквилибриума». Межличностные взаимодействия ритуализированы и основаны на разделяемых участниками интерактивных конвенциях, фундаментальным принципом которых является тактичное, предупредительное, уважительное отношение индивидов друг к другу, управление эмоциями³⁶. Не следует забывать, что куртуазные нормы и манеры поведения, формы контроля аффектов, эмоциональных проявлений в концепции Элиаса являются показателями социальных позиций.

³⁶ *Goffman E. On Face Work. Interaction Ritual // Essays on Face-to-face Behaviour. New York: Doubleday, 1967. P. 5–45; Idem. The nature of Deference and Demeanor. Interaction Ritual // Essays on Face-to-face Behaviour. New York: Doubleday, 1967. P. 47–95.*

Цивилизационная концепция Элиаса отличается от иных процессуальным характером и сингуляристской трактовкой цивилизации, которые противопоставлены цивилизационным паттернам и идее плюральности³⁷. В этой концепции равномерным образом представлены микро- и макроуровни (рис. 2). На макроуровне Элиас рассматривает процессы формирования государства, взаимодействие и соперничество городов, княжеств, сообществ за монополизацию власти и применение насилия, изменяющуюся социальную морфологию, урбанизацию и т. д. Элиас акцентирует проблематику власти и государства, которая находится в авангарде современного цивилизационного анализа в виде проблемы отношения культуры и власти, культурных определений и интерпретаций власти и наиболее артикулирована в работах Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона.

Процесс цивилизации в узком смысле сопряжен с психическими трансформациями и формированием новых личностных структур, механизмов самоконтроля, однако процесс цивилизации имеет место только при определенных условиях, в данном случае — изменении характера социальных отношений и усилении фигуративных процессов. Фигурации формируются переплетениями отношений, взаимодействий.

В этом отношении методологическая направленность цивилизационной концепции Элиаса — методологический ситуационализм³⁸ (как альтернатива холизму и индивидуализму), реальность исследуется через призму ситуаций взаимодействий, эпизодов совместной деятельности и опыта. Элиас своей концепцией затрагивает агент-структурную проблему, но ее решение для него заключается не в том, чтобы показать доминирование структуры или волюнтаризм акторов, а напротив, в демонстрации взаимообусловленности действия и структуры. Действие как таковое не автономно, оно всегда обусловлено фигурациями, которые, в свою очередь, имеют интерактивную природу.

Однако микроуровневый анализ в концепции Элиаса не ограничивается действиями и взаимодействиями, затрагивая интраиндивидуальные процессы и факторы. Элиас привносит в цивилизационный анализ представления о психической структуре, об индивидуальных аффектах и влечениях, он расширяет исследовательские перспективы

³⁷ *Arnason J.P.* Civilizational Patterns and Civilizing Processes. P. 103–118.

³⁸ *Knorr-Cetina K.* Introduction: The Micro-Sociological Challenge of Macro-Sociology: Towards a Reconstruction of Social Theory and Methodology // *Advances in Social Theory and Methodology* / Karin Knorr-Cetina and Aaron Cicourel (eds.). New York: Methuen, 1981. P. 3–47.

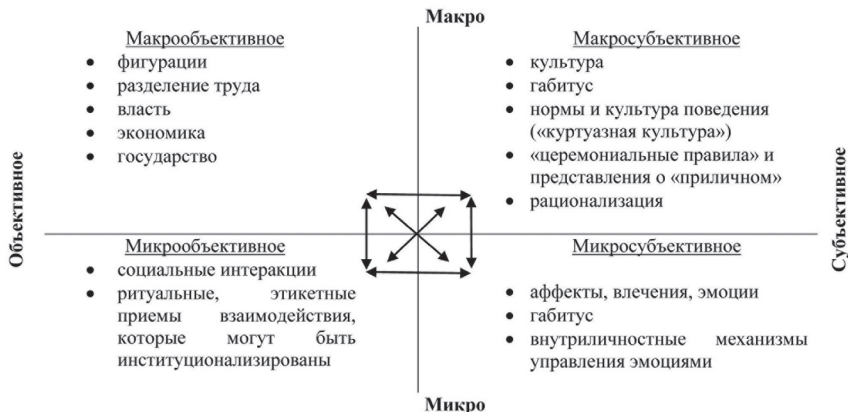

Рис. 2. Уровни анализа в концепции цивилизации Н. Элиаса

цивилизационного анализа, включая в него изучение эмоции и намечая точки пересечения с социологией эмоций. Эта линия микро-анализа не получила дальнейшего развития и остается малоизученной в цивилизационном анализе. Некоторым образом она затрагивается в концепции Р. Коллинза, однако игнорируется в работах Эйзенштадта и Арнасона. Ментальным аспектам цивилизации уделяется больше внимания, чем эмоциональным. Но здесь, говоря о психической структуре личности, можно задать вопрос, существует ли специфическая психологическая цивилизационная структура, характерная, например, для тех цивилизационных типов «структур сознания», которые выделяет Б. Нельсон³⁹. Очевидно, что разные цивилизационные контексты формируют разные принципы межличностного взаимодействия, определяют допустимые формы эмоциональных проявлений и в целом психологический габитус своих представителей. И если Нельсон полагает возможным регресс структур сознания, возвращение к прежним типам, то Элиас допускает регрессивный процесс «децивилизации»⁴⁰.

³⁹ Nelson B. Civilizational Complexes and Intercivilizational Encounters // Sociological Analysis. Vol. 34 (1973). N 2. P. 79–105.

⁴⁰ Van Krieken R. Norbert Elias and Process Sociology. Handbook of Social Theory. Sage Publications, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sage-ereference.com/hdbk_soctheory/Article_n27.htm.

Габитус относится к личностной психологической структуре, что, очевидно, связано с микросубъективным сектором модели Ритцера, но вместе с тем представляется возможным отнесение его и к макросубъективному сектору модели. Габитус есть проекция на индивидуальном уровне особой исторической психической структуры, характерной для конкретной фазы фигурации и процесса цивилизации. Габитус, являясь индивидуальным образованием, одновременно представляет собой психологическую кристаллизацию, психологическую формацию надиндивидуального свойства. Если обратиться к двум измерениям (пространство и время), с которыми сопряжены явления микро- и макроуровня (Коллинз), то габитус является продолжительной во времени структурой, чье существование детерминировано фигурационными процессами.

Концепция осевых цивилизаций и множественных модерностей Ш. Эйзенштадта

Концепция Ш. Эйзенштадта является важнейшим этапом в развитии современного цивилизационного анализа и, в частности, в построении более сбалансированной в отношении уровневого взаимодействия цивилизационной концепции. Интегративный посыл концепции очевиден, что во многом обусловлено методологическими предпочтениями автора, который разрабатывал свою концепцию, стремясь разрешить в ней столь актуальную для теоретической социологии дихотомию структуры и действия, оппозиции актора и структуры.

В предисловии к сборнику своих главных работ Эйзенштадт отмечает, что одним из направлений его исследований в рамках сравнительного цивилизационного анализа было «изучение процессов, посредством которых отношения между социальным разделением труда, регуляцией власти, конструированием доверия (солидарности), с одной стороны, и смыслом, его воздействием на институциональную и культурную динамики — с другой, переплетаются, способствуя кристаллизации, воспроизводству и изменению социальных формаций». Работая в этом направлении, Эйзенштадт стремился теоретически проработать «отношения между действием, культурой и социальной структурой»⁴¹. Он применил анализ «взаимодействия культурного

⁴¹ Eisenstadt S.N. Introduction: Comparative Studies and Sociological Theory — from Comparative Studies to Civilizational Analysis: Autobiographical Notes // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Brill Academic Pub, 2003. P. 17.

и социоструктурного измерений социальной интеракции и социального порядка» в исследовании макросоциологической динамики осевых цивилизаций и их институциональных арен⁴². Подход Эйзенштада, таким образом, заключается в построении концепции, которая охватывала бы все уровни анализа цивилизационной реальности, а также прослеживала взаимосвязь между ними (рис. 3). Как и Арчер, Эйзенштадт вводит в анализ культуру, культурные ориентации. Таким образом, интегративность его концепции обрела новый регистр, связанный с комплексным анализом культуры, структуры и действия как измерений (помимо уровней) социальной реальности. При этом вводится методологический принцип автономии культуры, согласно которому культура не является вседетерминирующим фактором, но и не сводится к эпифеномену структуры.

Цивилизации Эйзенштадт определяет как «сочетание онтологических или космологических представлений, представлений о трансцендентных и мирских реальностях с определением, конструированием и регулированием основных арен социальной жизни и взаимодействий»⁴³. Ядром цивилизаций является символическая и институциональная взаимосвязь между формулированием, артикулированием, постоянной реинтерпретацией превалирующих в обществе базовых онтологических представлений, идеологических посылок и стержневых символов, с одной стороны, и определением, структурированием и регулированием основных институциональных сфер (политической, экономической, семейной жизни, социальной стратификации и конструирования коллективных идентичностей) — с другой. Дефиниции и регуляторы формируют основные контуры, границы и смыслы ключевых институциональных образований, определяют их легитимацию и оказывают выраженное влияние на их организацию и динамику. *Онтологические представления и идеологические принципы* воздействуют на *институциональные формации* через различные процессы *социального взаимодействия* и контроля, которые активизируются *элитами* (политическими, экономическими, культурными) и теми, кто формирует чувство солидарности и коллективный образ групп.

Эйзенштадт отмечает, что одной из отличительных характеристик осевых цивилизаций, появившихся в результате институционализации новой онтологической концепции схизмы между трансцендентным

⁴² Ibid. P. 19.

⁴³ Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. P. 34.

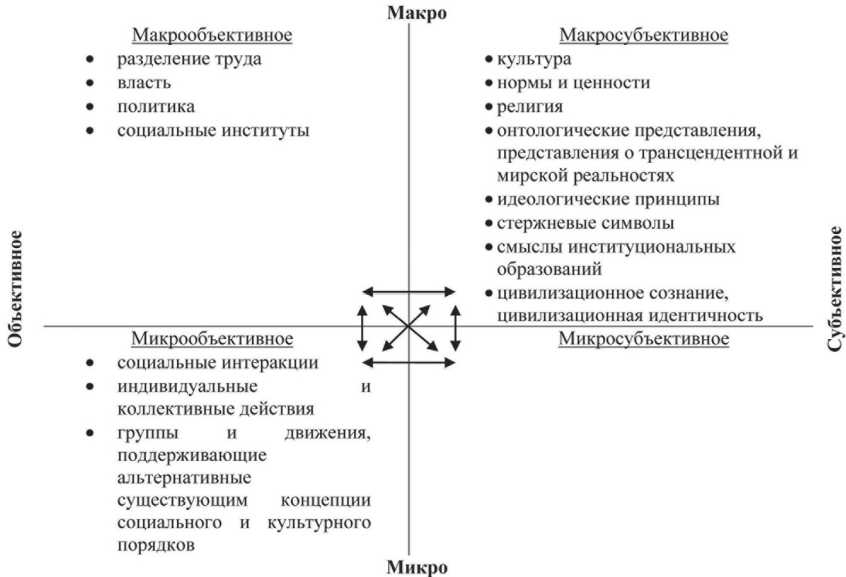

Рис. 3. Уровни анализа в концепции цивилизации Ш. Эйзенштадта

и мирским порядками, стало формирование нового типа *элиты*, носителя моделей культурного и социального порядка. Новые культурные элиты, интеллектуалы создавали новые онтологии, трансцендентные представления и играли важнейшую роль в формировании новых цивилизационных общностей и *цивилизационной идентичности*. Другие элиты, внутренне гетерогенные, стремились занять автономную позицию в формулировании концепций культурного и социального порядков. Дифференциация элиты приводит к появлению *вторичных элит*. Они играют важную роль в развитии новых протестных и оппозиционных движений, в стимулировании социальных перемен и в перманентном конфликте ортодоксии и гетеродоксий.

Эйзенштадт вводит в цивилизационный анализ представление об активных акторах, элитах, группах и движениях, формулирующих концепции макропорядка и способствующих трансформации существующего. Формирующиеся под воздействием макроуровневых идеологий и интерпретаций как реакция на них, действующие на микроуровне протестные группы обладают, как считает Эйзенштадт,

потенциями воздействовать на макропорядок. Это важное положение, подразумевающее наличие взаимовлияний между уровнями цивилизационной реальности. Динамика цивилизаций обусловлена постоянным конфликтом интерпретаций, множественностью видений социокультурного порядка и концепций организации общества, которые формулируют и распространяют элиты (религиозные, политические, интеллектуальные и т. д.) и круг/сеть их последователей⁴⁴. «История предстает как процесс практически бесконечных реконструкций и реинтерпретаций культурных символов, моделей видения мира, идущий параллельно с изменениями моделей поведения индивидов, структуры, государственной власти и т. д.»⁴⁵.

Формирование модерности связано с глобальными трансформациями и рассматривается Эйзенштадтом как «второй прорыв» после появления осевых цивилизаций. Но модерность неоднородна, она представлена множественностью форм, вариаций реализации ключевых программ модерности — культурной и политической. Полиморфизм модерности обусловлен разными ответами на ключевые вопросы и различной реакцией на основные вызовы и проблемы современности. Ключевыми характеристиками модерности являются концепция активного действия и автономности индивида; выраженная рефлексивность; представление о неопределенности онтологических принципов, оснований социального и политического порядков; концепция недетерминированного будущего, открытого для различных сценариев онтологической реальности; приоритет разума и рациональности; критический дискурс и т. д.⁴⁶

Концепция осевых цивилизаций и множественных модерностей Эйзенштадта принципиально отличается от разрабатываемых ранее цивилизационных концепций. Во-первых, в ней полноценно реализовано микроуровневое направление анализа. Микроуровневый анализ здесь не вторичен, он не обусловлен изучением макроуровневой

⁴⁴ Например, христианство как религиозная и онтологическая концепция сыграло ключевую роль в формировании западной европейской цивилизации. В фокусе внимания исследования распространения христианства и осмысления связанных с ним институциональных форм должны быть как отдельные религиозные персоналии, проповедники, Отцы Церкви, так и организованные вокруг них школы и течения, социальные сети последователей, их взаимодействие с политическими элитами и т. д.

⁴⁵ *Эйзенштадт Ш.* Цивилизационные измерения социальных изменений. Структура и история. Цивилизации. Вып. 4. Москва: МАЛП, 1997. С. 20–32.

⁴⁶ *Eisenstadt S.N.* The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. P. 33–56.

проекции, отражения «макро» в «микро». Процессы, происходящие на микроуровне цивилизационной реальности, не являются эпифеноменами, они полноправно участвуют в конструировании, формировании и изменении цивилизационных комплексов. Во-вторых, Эйзенштадт включает в свой анализ активно действующих на микроуровне акторов, чья деятельность обладает трансформирующими структуру потенциалами. Микроуровневые действия не лишены ограничений. Структуры и рамки деятельности и взаимодействия создаются действиями и взаимодействиями, однако последние возможны только в этих фреймах и структурах. Это положение говорит в пользу интегративного статуса концепции Эйзенштадта. В его понимании цивилизационные формации пластичны, они не линейны в своем развитии, а открыты для трансформаций, что определяет их культурную и институциональную вариабельность. В-третьих, отличительной особенностью теории Эйзенштадта является идея культурной автономии, отказ от культурного детерминизма. «Эта версия теории цивилизации не подвержена экстремальным культурологическим объяснениям»⁴⁷. Однако культура в ней представляется важнейшим измерением в формировании институциональных формаций и паттернов поведения.

Культура и социальная структура являются конститутивными факторами друг для друга. Взаимодействие культуры и структуры порождает социальные рамки поведения, базовые институциональные правила. Цивилизации рассматриваются как культурно-институциональные комплексы в рамках подхода, в котором утверждается взаимосвязь структурных аспектов социальной жизни с интерпретативным контекстом. Концепция Эйзенштадта предлагает интегративный анализ цивилизаций, который предполагает изучение в исторической перспективе взаимодействий культуры, структуры и действия, выявление в истории фокальных периодов «осевого времени» и «прорывов», определяющих культурные представления, институциональные формы и исторические траектории развития.

Сетевая концепция цивилизации Р. Коллинза

Цивилизационная концепция Р. Коллинза принципиально отличается от описанных выше, в основу ее положен интегративный в своей основе сетевой подход, который позволяет концепции Коллинза

⁴⁷ Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. P. 55.